

Все события, изображенные в романе, выдуманы, любые совпадения с реальностью носят случайный характер.

Ни слова о любви!

Белла Ахмадулина

Женщина — слабое, незащищенное существо, спастись от которого невозможно.

Неизвестный автор

Она обернулась не потому, что услышала сзади шаги. И не потому, что почувствовала какое-то движение за спиной. Она просто обернулась — и голос перехватило, когда увидела эту темную высокую фигуру, полускрытую тенью. И даже крикнуть не смогла — отпрянула, прижалась спиной к двери.

Лица его не было видно, и все же она узнала его сразу.

— Ты меня, вижу, не ждала, — хриловато, с усмешкой обронил он. — А зря. Неужели не могла догадаться, что рано или поздно я тебя найду?

«Как он вошел? — мелькнула ненужная, ничемная мысль. — Значит, в Театральном сквере все же был он. А потом обогнал меня, понятно... Но на двери подъезда домофон. Кто ему открыл? Или ему просто повезло — кто-то из жильцов проходил?»

Ах, да какая разница... Никакой. Но довольно часто людей, смертельно испуганных, находящихся в опасности или потрясенных чем-то, посещает целое сонмище вот таких ничемных

мыслей. Им бы сосредоточиться, им бы думать только о том, как спастись, а вместо этого в голове вот такие бестолковые вопросы — как сюда попал да кто его впустил...

Что-то звякнуло внизу, и она поняла, что ключи выпали из ее вспотевших пальцев.

Он чуть присел, не сводя с нее глаз, поднял связку, сунул в карман.

«Мы что, даже в квартиру не зайдем?» — мелькнула у нее глупейшая мысль.

— Шарф у тебя... — Он запнулся. Не то кашлянул, не то усмехнулся ехидно. — Шарф у тебя красивый.

Она безвольно шевельнула губами. Ни слова не выдавить, ни звука. Сил нет, ноги подкашиваются.

Он протянул руку. Она шатнулась было, но сзади дверь — не отпрянуть, не ускользнуть.

Его пальцы чуть смяли шарф, открывая горло. Прохладные пальцы коснулись горячей кожи, и ее затрясло.

— Дрожишь, — сказал он задумчиво. — Боишься меня, да?

Она не нашла сил даже кивнуть. Прижалась затылком к двери и закрыла глаза.

Ну, все. Попалась.

Доездила, как сказал бы...

Она не могла вспомнить, кто так говорил.

* * *

Может быть, кому-то когда-то где-то почему-то и нравилось ездить по железной дороге, однако Алёна Дмитриева сей процесс не слишком-то

любила. Особенно рейсом Нижний Новгород—Москва. Она предпочитала самолеты рейса Москва—Париж. Но легко догадаться, что второе невозможно без первого. То есть ей, чтобы улететь в Париж, нужно сначала доехать до Москвы.

Нет, разумеется, существует авиакомпания Люфтганза, которая настолько любезна, что берет на себя труд осуществить рейс Нижний Новгород—Париж через Франкфурт-на-Майне. Но позволить себе летать Люфтганзой способен, мягко говоря, не каждый. А если говорить грубо, уж очень дорогое удовольствие — пользоваться ее услугами. Даже слишком дорогое. Летать в Париж через Москву рейсами Эр Франс или Аэрофлота тоже, знаете ли, не так чтобы совсем недешево, но все же можно поднапрячься ради столь высокой (как в буквальном — самолет как-никак поднимается в небеса! — так и в переносном смысле) цели. Зато ненадолго спрятать в карман свою жесточайшую неприязнь к железнодорожному транспорту.

Алёне Дмитриевой приходилось проделывать этот путь как минимум раз в год. Потому что она — вот счастливица, да? — как минимум раз в год ездила в Париж, где жила ее подруга. То есть если бы ей приходилось наезжать в Москву только раз в год, она бы себя истинно считала счастливницей. Однако в Москве находилось издательство «Глобус», где печатались романы Алёны Дмитриевой...

Ну да, представьте себе, она была писательница! И чего только она не понаписала в своей

жизни... Детективы, дамские романы, исторические романы... Честное слово, некая Елена Дмитриевна Ярушкина иногда почти с ужасом посматривала в зеркало, где отражалась писательница Алёна Дмитриева. Но это уж личные дела двух названных дам, которые с трудом уживались в одном лице, в одном теле, в одной квартире... В одном флаконе, выражаясь фигурально.

Впрочем, не про то речь. Собственно, речь-то шла всего лишь о том, что по издательским делам писательнице Дмитриевой срочно понадобилось отправиться в Москву — причем именно столь нелюбимым ею железнодорожным транспортом. И она явилась на вокзал брать билет. Вообще-то, чтобы сократить процесс общения с РЖД до минимума, она уезжала обычно утренним поездом — отправление из Нижнего Новгорода в 06.11, прибытие в Москву в 11.00 на Курский вокзал. Всего пять часов в дороге, поезд дешевле прочих, и в нем веселенькие такие сидячие вагоны. Однако на сей раз Алёне не повезло. Кассирша только вздохнула тяжело:

— Ну что вы, девушка!

Да-да, Алёну иногда называли девушкой, хотя она была уже дамой, выражаясь изысканно, постбальзаковского возраста. А на Мытном рынке в Нижнем продавщицы столь любимой писательницей квашеной капусты-однодневки и прочих домашних солений вообще звали ее доченькой. И это при том, что были ненамного ее старше, а то и вовсе ровесницами! С другой стороны, тетки из пригородов и деревень — потря-

сающие психологи. Ну у какой женщины выше-указанного возраста сердце не растает, если ее вдруг назовут доченькой? И ручка «доченьки» тут же охотно потянется к кошельку...

Впрочем, мы несколько отвлеклись. Речь не о продавщицах с Мытного рынка, а о кассирше с Московского вокзала, которая снисходительно взглянула на Алёну и вздохнула тяжело:

— Ну что вы, девушка! Сидячий вагон, главное... И купейные-то все разобраны! Завтра же понедельник. Какие вообще могут быть билеты на завтра в Москву?!

— Черт, как же я забыла! — сокрушенно нахмурилась Алёна.

В самом деле: очень много нижегородцев работает в Москве. Многие едут туда в командировки. Поэтому в пятницу вечером все поезда из столицы набиты под завязку, и аналогичная ситуация возникает в воскресенье вечером или в понедельник утром. Билеты покупаются о-очень заранее. Разумеется, не в воскресенье утром.

Но Алёна просто-напросто забыла про эти несчастные билеты. Причина была уважительная — она дописывала роман. Тот самый, за который ей должны были заплатить некоторые деньги. Собственно, за деньгами она и ехала в Москву. В издательстве то и дело грозили перевести все расчеты на безналичку, но пока наполеоновские планы не осуществились, а потому авторы то и дело ломались в тесную каморку на первом этаже, где размещалась касса. И находили в этом массу удовольствия! Вернее, масса у каждого бы-

ла своя... в зависимости от тиража произведения, объема, раскупаемости и прочих привходящих факторов, которые отлично известны всем, кто имеет дело с издательствами, и совершенно неинтересны подавляющему большинству читателей. Последним ведь главное, чтобы книжка была хорошая. И они, вообразите, совершенно правы!

— Как же я забыла... — повторила Алёна печально. — И что теперь делать? Что же делать-то, а?

— А вы приходите завтра с утра пораньше, часиков в пять. Может, кто-то сдаст билет, — посоветовала кассирша.

— Может, сдаст, а может, и нет, — вздохнула Алёна.

— Всякое бывает, — кивнула кассирша, которую, судя по бейджику, прикрепленному к карманчику ее блузки, звали Ольга Всеволодовна Ковригина.

На самом деле имя кассирши не имеет никакого значения для нашего романа, кроме того, что Алёна вдруг задумалась, глядя на бейджик: «Ольга Всеволодовна... Как в «Гадюке» Алексея Толстого. Интересно, читали родители женщины «Гадюку» или нет? Наверное, да, иначе почему выбрали для дочери такое имя в сочетании с таким отчеством... А может быть, просто случайность?»

Надо сказать, нашу героиню в минуты расстройств часто посещали бессмысленные мысли вроде вышеприведенной. Она, по ее собственному выражению, плохо держала удар, а потому в минуты потрясений или просто неприятных сюр-

призов начинала думать о всякой ерунде, вместо того чтобы сосредоточиться на решении проблемы.

Тут, на свое счастье, она вспомнила, что героиню Толстого звали вовсе не Ольга Всеволодовна, а Ольга Вячеславовна, и вопрос о том, читали ли родители билетной кассирши рассказ «Гадюка», перестал ее волновать. И в голову на освободившееся место пробилась трезвая мысль:

— Скажите, а на сегодняшний вечерний поезд, ну, который почти в полночь уходит, нет шансов взять билет?

— Хм! — выразительно произнесла Ольга Всеволодовна.

— Понятно, — уныло кивнула Алёна, убирая в сумку паспорт.

— Ну вот разве что в СВ, — пожала плечами кассирша.

— Эх... — с тоской пробормотала Алёна.

Тоска ее была настолько понятна и легко объяснима, что Ольга Всеволодовна сочувственно кивнула.

— Ладно, давайте в СВ, — протяжно вздохнула Алёна и опустила руку в сумку, во внутренний карманчик, доставая деньги. Денег нужно было много. И жалко их было — до ужаса... — Ну а хоть обратный билет на тот же день вечером найдется?

Ольга Всеволодовна взглянула на монитор.

— Найдется. Только с обслуживанием. В смысле, с питанием. Зато нижняя полка. Как, берете?

— Эх... — снова вздохнула Алёна. — Беру, куда ж деваться-то?

— Постой... — вдруг изумленно сказала Ольга Всеволодовна и уставилась на монитор, словно

не верила глазам своим. — Слушайте! Вам повезло! Только что, вот буквально сию минуту, сдали купейный билет до Москвы на нынешний вечер. Отправление в 23.55, нижняя полка и без питания. Возьмете?

— Скорей! — выкрикнула Алёна. — Давайте его скорей!

— Готово, — сообщила Ольга Всеволодовна, пробежавшись пальцами по клавиатуре. — Ну, повезло вам.

— Спасибо большущее! — сияла Алёна, доставая из кошелька гора-а-аздо меньшую сумму, чем выложила бы за СВ.

Деньги — это такая гадость... Нельзя их жалеть, ну нельзя! Вот взяла бы Алёна Дмитриева билет в СВ, и от скольких неприятностей избавила бы себя! Впрочем, назвать то, что с ней произошло, неприятностями все равно что назвать паука безобидной бабочкой.

Но, с другой стороны, кто устоял бы перед столь счастливой случайностью?!

Счастливой... да-да-да-да-да!

*Письмо, написанное за месяц
до текущих событий*

Сама не знаю, зачем это пишу. Просто чтобы сказать тебе, что я тебя так сильно любила, а ты... Кем же надо быть, чтобы ТАК поступить?! Я тебе разве когда-нибудь отказывала, чтобы тебе понадобилось по девкам шляться? Или просто натура у тебя такая оказалась? Как ты мог! И ты

приходил от них и целовал меня и дочку, а губы у тебя, оказывается, были ядовитые... Не понимаю такой подлости, не понимаю! Что я дочке скажу? Что я маме скажу?! Как буду теперь жить? Ты найдешь новую потаскуху, а я... Я теперь навсегда останусь одна. Я же тебя любила, любила... Ты ведь знаешь, я девушкой за тебя выходила... За что, ну почему ты так?!

Я и не знала, что можно такую боль испытывать, что так ненавидеть можно. Мне противно даже думать о тебе! Я тебе желаю всего самого плохого! Я тебе желаю сдохнуть, сдохнуть! Ты никогда больше не увидишь дочку, понял? Никогда! И меня не увидишь, подонок. Подонок, подонок!

Как подумую, сколько ты мне врал... Я же знала, чувствовала... А ты приходил и тащил меня в постель, чтобы я думала: если ты меня хочешь, значит, никого другого у тебя нет и быть не может. А она была... они были...

Нет! Все! Не буду больше писать! Хватит перед тобой унижаться! Живи как хочешь. Как можешь. Не сомневаюсь, что ты еще и счастлив будешь. Так вот я тебе желаю, чтобы с тобой когда-нибудь так же обошлись, как ты обошелся со мной. Чтобы у тебя вот так же сердце вырвали и в душу тебе плюнули! Тогда ты поймешь... Да, поймешь!

А может быть, и нет. Но мне все равно, что с тобой будет. Желаю тебе сдохнуть! Понял? От СПИДа или от сифилиса. Пусть тебя прирежет какой-нибудь сутенер этих девок!

Все! Пропади ты пропадом, подлая

Твоя бывшая жена.

У каждого из нас есть некие блаженные воспоминания. Были они и у Алёны Дмитриевой. Прямо скажем, за жизнь их накопилось немало. В числе прочих, например, было и связанное с нелюбимыми ею РЖД. Словно великую драгоценность, Алёна хранила воспоминание о том, как ехала она в Москву одна-одинешенька в купе. Вот выспалась! Вот отдохнула!

Нынче ей такой удачи никак не светило, что было понятно еще в кассе. Ну а при входе в купе стало понятно в три раза яснее. На столике уже лежали три билета, на вешалках уже висели три кожаные куртки, а на нижних полках сидели три молодых человека — ее будущие попутчики, надо полагать.

— Добрый вечер, — произнесла Алёна, окидывая их безразличным взглядом. Да так и онемела — потому что одним из троицы был не кто иной, как Игорь.

Игорь... ну, это отдельная история. Особая! Это история такой любви, такой боли, такого горя... *Игорь... горе...* Очень схожие слова, верно? А в общем-то, история самая тривиальная. Любовь взрослой, как теперь принято говорить, дамы к молодому красавцу, ее обожание, его снисхождение, бурный роман, измена, разлука. Они больше не встречаются, где он, что с ним и с кем он, ей неизвестно. Ну, где-то живет, и, наверное, очень даже неплохо, а она идет по жизни смеясь, потому что иначе просто не умеет. У нее поклонники, у нее любовники, **НО...**

Вот именно такое «но» — написанное прописными буквами, выделенное курсивом и жирным шрифтом. Потому что для нее ничего не кончилось, ничто не минуло — настолько, что порою забываемое его лицо видится ей в небесах, и в бегущей реке, и на экране телевизора, и, конечно, в толпе чужих и безразличных лиц... И очень часто она принимает за него других мужчин...

Между тем Игорь буркнул что-то вроде: «Здр...» — и, взяв со столика газету «Гудок», уткнулся в нее с таким безразличием к Алёне, как если бы в купе вошла не его бывшая возлюбленная, а совершенно незнакомая особа. И его тугая вишневая нижняя губа, которую Алёна когда-то имела полное право целовать, оттопырилась с некоторой утомленной брезгливостью.

И только тут Алёна поняла, что ошиблась. Парень просто похож на Игоря! Похож невероятно. Можно сказать, двойник. Но все же не он... «Ах, не он, не он!» — вскричала Марья Гавриловна и упала без чувств... Не поручимся за точность цитаты, но очень похоже на чувства, испытанные сейчас Алёной Дмитриевой. Вот так же и молодой человек, попутчик, был всего лишь похож на Игоря, но не Игорь.

Ах, не он, не он...

Как только Алёна это поняла, в первую минуту у нее даже слезы — едкие слезы разочарования! — навернулись. Ведь они так давно не виделись, она так тосковала по нему! Но в следующее мгновение холодноватый рассудок Девы (а наша

героиня, чтоб вы знали, Дева по знаку Зодиака) остудил нетерпение сердца, и она почувствовала даже облегчение. Окажись здесь и в самом деле Игорь, ситуация сложилась бы — глупей не придумаешь. И мучительней...

Но и нынешнюю нужно было как-то пережить, а потому Алёна поспешно отвела глаза от Двойника. Так она назвала попутчика в первое мгновение после того, как осознала свою ошибку, ну и мы будем его так же называть до тех пор, пока судьба и сюжет романа не откроют нам имя молодого человека. Как пара изоощренных игроков внезапно открывают карты...

А молодой человек, видимо, привык к тому впечатлению, которое производит на взрослых женщин. И мгновенное оцепенение Алёны вызвало у него некое сокращение лицевых мускулов, которое придало ему самодовольно-пресыщенное выражение.

Вот и Игорь порою держал себя точно так же, когда дамы начинали уж слишком пожирать его глазами. На самом-то деле ему их взгляды нравились, безумно нравились. Он жить не мог без поклонения всех тех дам и барышень, которые записывались в танцевальную студию, где он преподавал, только чтобы удостоиться его мимолетного внимания. Ну да, красавец, некогда разбивший сердце Алёны Дмитриевой, был учителем танцев... И не прав, между прочим, будет тот, кто сочтет ситуацию пошлой и плоской! Вспомните вот хотя бы пьесу Лопе де Вега «Учитель танцев», и сразу поймете, что представители данной про-

фессии вполне годятся на то, чтобы сделаться истинными героями романов — как сердечных, так и литературных:

- Должно быть, он незаурядный
Учитель танцев и манер.
- Он настоящий кавалер
По виду...

Игорь имел все необходимые качества для того, чтобы разбивать женские сердца. Он был не просто безумно красив и обаятелен, не просто танцевал, как бог Шива, заставляя женские сердца преисполняться эротическими судорогами. Его черные глаза обладали совершенно невероятной способностью смотреть на всех женщин так, что каждой казалось, будто он смотрит только на нее. И не просто смотрит, но ласкает ее взглядом, и взгляд этот как бы подергивается мечтательной дымкой, словно бы Игорь понимает всю недостижимость для него красавицы, на которую смотрит, но все же глаз от нее отвести не может.

Нечего и говорить, что отныне та красавица готова была на все, чтобы доказать ему свою пылкость и разрушить миф о своей недостижимости. Однако тут-то ее и ожидало фиаско! Ведь Игорь прекрасно понимал, что, если он выберет одну, другие будут для него потеряны. По сути своей он был сущим петухом (хотя согласно гороскопам являлся Львом и Козой), султаном, падишахом — то есть прирожденным повелителем гарема, сераля или хотя бы курятника. Все свои интрижки, бывшие в действительности или воображаемые поклонницами, он держал в таком страшном секрете, что куда там Штирлицу. И да-

же его бурный роман с Алёной Дмитриевой оставался тайной практически для всех — за исключением одной подруги, которая в конце концов и увела красавца от нашей героини.

Да, вот таковы они, лучшие подруги, с ними знай держи ухо востро! Ну а новый роман обворожительного танцора, роман с лучшей подругой, содержался в столь же глубокой, ну просто глубочайшей тайне. Игорь по-прежнему был недостижимым, вождленным идеалом, и одному богу известно, сколько верных жен (а студию весьма активно посещали замужние дамы) мысленно воображали себя в объятиях черноглазого божества, когда по ночам исполняли комплекс обязательных горизонтальных упражнений в объятиях законного мужа... Тот-то, бедолага, конечно, и не подозревал, кому обязан неожиданной пылкостью супруги. Ему и в голову не приходило, чье имя беззвучно шепчут пересохшие губы обуреваемой страстью женушки, чье загорелое, обтекаемое, стремительное, гладкое тело в воображении нежат и ласкают ее руки, ставшие вдруг бесстыдными, умелыми, нетерпеливыми до такой степени, что она так и норовит схватить супруга за выступающие части тела... кто на самом-то деле заставляет ее биться в судорогах почти животной страсти, так высоко подбрасывая бедра... Иной муж даже всерьез опасался быть сброшенным с постели на пол, вцеплялся в жену руками и ногами и восторженно изумлялся: «Эка разошлась! Вот до чего я ее довел! Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»

Хотя ни Пушкин, ни сукин сын были здесь,

понятное дело, ни при чем... Да и муж, собственно говоря, тоже... Хотя, разумеется, никто из супругов ни о чем подобном не подозревал.

Вот и хорошо. Ибо во многой мудрости — многая печаль, что в переводе с древнебиблейского означает: «Меньше знаешь — лучше спишь!»

Смешнее всего, что некоторые мужья были знакомы с Игорем. Во всяком случае, имели возможность видеть его, когда заезжали за женами в танцевальную студию. Однако ни один из них даже не предполагал, что видит перед собой соперника. Удачливого, по большому счету, соперника!

Алёна по этому поводу частенько вспоминала обожаемого классика, которого сознательно или бессознательно, буквально или нарочито пародировав, цитировала всю жизнь:

Но вы, блаженные мужья,
С ним оставались вы друзья:
Его ласкал супруг лукавый,
Фобласа давний ученик,
И недоверчивый старик,
И рогоносец величавый,
Всегда довольный сам собой,
Своим обедом и женой.

Алёна представила, как на нее посмотрел бы Игорь, окажись он и правда сейчас в купе поезда. Да уж, наверное, вообще никак не смотрел бы. Скорей всего, немедленно сбежал бы в другое.

Какой тоской наполнило Алёну это открытие! Какой тоской наполнил ее безразличный, пресыщенный взгляд Двойника! Она сразу ощутила себя некрасивой, унылой и если не старой, то из-

рядно поношенной... Такой же унылой и невзрачной, как ее черная куртка, черный свитер, черные брюки и черные туфли на низком каблучке.

Ну зачем она нарядилась во все черное?! В дорогу, типа, чтоб немаркое... Как будто она собиралась ехать не в купейном вагоне, а в товарняке. И черное, главное! Знает же, что цвет ей совершенно не идет. Зачем зачесала волосы назад, зажала их заколкой? Почему не накрасилась? Ну да, решила, что утром подмажется, перед прибытием в Москву, а сейчас, дескать, какой смысл краситься, уже около полуночи, сразу спать нужно ложиться.

Ну-ну... Вот и ложись, да поскорей. И еще отвернись к стене, чтобы Двойник тебя не разглядел ненароком и чтобы его красивое, словно выточенное лицо с аккуратной щеточкой бородки (совершенно такую же бородку отрастил Игорь, чтобы замаскировать несколько слабый подбородок — единственный недостаток в его сияющей, безупречной внешности!) утратило наконец пресыщенно-брезгливое выражение.

Тут Алёна спохватилась, что все еще стоит столбом в дверях и таращится на Игорева двойника с неприличным любопытством. А на нее таращатся двое других ее попутчиков.

Впрочем, Алёне было не до них. Она их едва разглядела. Вроде бы один высокий блондин, а другой невысокий шатен. Двойник же был брюнетом среднего роста.

Мужские взгляды обычно прибавляли Алёне бодрости, и она отлично знала, как нужно на них

отвечать. Но только не в тех случаях, когда мужчины пялились на нее с таким уныло-безразличным выражением, как эти двое. Насупившись, она сунула сумку в угол, рядом с чьим-то изящным рюкзачком, уже лежащим там, стащила куртку, путаясь в рукавах, одернула свитерок и присела на свою полку бочком, будто горничная, пришедшая наниматься в богатый дом. А впрочем, горничную, пришедшую наниматься в богатый дом, вряд ли пригласили бы присесть...

Блондин и Двойник размещались напротив Алёны. Шатен, сидевший сначала на ее полке, помедлил было, а потом тоже перебрался на противоположную: то ли чтобы единственная дама в купе чувствовала себя свободней, то ли потому, что ему было неприятно даже сидеть рядом с ней.

Чувствуя себя как-то клинически по-идиотски, Алёна сложила руки на коленях и уставилась на башмаки попутчиков. Ну а куда еще смотреть, в самом-то деле? В окно? А что там увидишь, за пыльным вагонным окном, кроме темноты? На лица молодых людей? Неудобно... Вот она и смотрела на башмаки.

Двойник оказался обут в черные туфли с длинными, чуть загнутыми носами. Между прочим, у Игоря были совершенно такие же... При виде этих туфель у Алёны почему-то сжалось горло, и она поспешно перевела взгляд на мягкие коричневые мокасины блондина, а затем на черные кроссовки шатена. Джинсы на шатене тоже были черные. Алёна безразлично подумала, что кроссовки немного тяжеловаты для таких худых ног, как у шатена, а джинсы ему великоваты (вон

как топорщатся на том месте, где ширинка). Ноги блондина выглядели куда как крепче и были плотно обтянуты темно-коричневыми вельветовыми брюками с манжетами. Алёне всегда нравились брюки с манжетами, и она невольно задержалась на них взглядом.

Очень стильно! Черт, черт, черт, ну почему сама Алёна, всегда такая элегантно-небрежная и даже где-то изощренная в нарядах, явилась сегодня в образе никому не нужной, стареющей тетки?!

Размышлять о собственном несовершенстве было мучительно и вообще ни к чему, поэтому Алёна принялась исподтишка разглядывать попутчиков.

Ноги Двойника скрывались под столиком, однако было видно, что на нем классические темно-синие джинсы. Еще на нем был синий джемпер с треугольным вырезом. Тонкая цепочка с крестиком убегала в вырез, перечеркивая впадинку между шеей и плечом. На пальце левой руки Двойник носил серебряное кольцо с чернью.

Между прочим, Игорь тоже носил серебряное кольцо — в виде двух переплетенных окружностей. Кольцо вызывало истерическое любопытство всех посетительниц танцевальной студии. Что означает это сплетение? Кто подарил кольцо Игорю? Да уж, наверное, немало было желающих делать подарки такому красавцу... А может, сам купил? Ну так вот, поясним: кольцо ему подарила Алёна, и переплетенные окружности когда-то так много значили для них. Интересно, Игорь все еще носит его или?..

Наша героиня отвела глаза от рук Двойника и

снова посмотрела на шею. Цепочка чуть заметно поднималась на смугловатых ключицах и снова опускалась. Алёна заметила, как дрогнула — раз и два — ямочка на горле Двойника.

Алёне вдруг стало жарко. Захотелось расстегнуться. Но свитер не расстегнешь, его можно только снять. Хм, заодно можно представить, как устали бы на нее парни, окажись она перед ними без свитера, в одном только лифчике! Небось убежали бы с криком ужаса. Она ведь им годится если не в маменьки, то в тетушки однозначно.

Между прочим, не все такие пугливые. Скажем, двое ее знакомых — Андрей и Константин. Одному из них тридцать два, другому двадцать девять. Они, как было принято писать в стародавних чинных романах, пользовались расположением нашей героини. Разумеется, ни один из них не подозревал о наличии соперника. Алёна очень умело их разводила во времени и пространстве и никаких несчастных случайностей (как то: перепутать час свидания или назначить обоим встречу одновременно) не допускала. Она была умная женщина, во-первых, а также писала детективы, во-вторых. А значит, умела держать интригу. Все-таки *noblesse oblige!*

Нет, не будет она ничего с себя снимать. Пока. А на ночь влезет в футболку, которая скрывает тело надежней, чем скафандр водолаза.

Алёна мимоходом отметила, что блондин одет в тускло-зеленый шелковистый пуловер, туго обтянувший его крепкий торс, а шатен — в черный

свитер. И так, он предпочитал черное, этот невысокий парень с небольшими руками, которые лежали, лежали себе на коленях, но вдруг нервно сжались в кулаки. Он исподлобья зыркнул на Алёну и снова опустил глаза. У него был нервный, красиво очерченный рот, в уголке которого имелась родинка. Губы его вдруг вздрогнули — не то в ухмылке, не то в такой же безразличной гримасе, как у Двойника.

«Ему неприятно, что я на него смотрю!» — подумала Алёна, и ее настроение, конечно, испортилось бы еще больше, если бы такое вообще было возможно!

Куда уж хуже, в самом-то деле!

Но буквально через минуту она узнала — куда...

— Билетики на проверку, денежку за постель приготовим! — раздался зычный голос, и в купе вошла проводница, объемистая тетка с тугими обесцвеченными локонами. Кажется, встретить ее Алёна где-нибудь на улице, даже без формы РЖД и непрременной клеенчатой сумки с кармашками, и то сразу догадалась бы, что перед ней именно проводница. Есть в них что-то типическое, есть!

А поезд-то уже отошел, оказывается. Алёна и не заметила.

Не траться особо на приветливость, проводница деловито проверяла билеты. Начался шелест купюр. Постель стоила 62 рубля 80 копеек, и молодые люди все, как один, достали по сотне. Проводница ворчала, что десяток нет (национальная финансовая болезнь нового времени — отсутствие десятков, ну просто клиника какая-то!)

и мелочи на сдачу тоже. От копеек парни снисходительно отмахнулись, а десятки согласились подождать...

Все это время Алёна выворачивала наизнанку свою сумку. В сумке было четыре карманчика, но ни в одном она не нашла того, что искала, — кошелька. Не оказалось денег и в боковых кармашках, куда Алёна иногда прятала их. А вся мелочь из карманов куртки была, помнится, истрачена на маршрутку до вокзала.

Да где же кошелек?! Вытащили в маршрутке? Вряд ли — сумка была закрыта.

Тут ехидная память Алёны ловко, словно карточный шулер, выкинула картинку: ее комната, край письменного стола, на котором лежали блокнот, мобильный телефон, кошелек, ключи, паспорт со вложенным в него командировочным удостоверением и билетами в Москву и обратно. Все перечисленное добро, как она только что убедилась, лежало в сумке. Все, кроме кошелька. Наверное, в суете сборов Алёна смахнула его со стола, да и не заметила. И теперь он так и валяется под столом, хотя должен бы находиться в ее сумке...

Оч-чень хорошо! Ну просто исключительно — отправиться в Москву без копейки денег... И что же делать?

— Так, девушка, за постель платить будем?

Алёна жалобно моргнула:

— Извините... Представляете, я забыла дома кошелек.

— Осспидя... — вздохнула проводница. — Чего только люди не выдумают...

— Честное слово! — оскорбилась Алёна. — Можете проверить!

И она сделала попытку вывернуть перед проводницей сумку.

— Да ладно, чего тут бебехами своими трясти! — брезгливо отмахнулась та. — И что будем делать?

— Ну, я... не знаю... Можно, я без белья... просто так?

— Пользоваться матрасами и подушками без казенного белья запрещено, — отчеканила суровая вагонная хозяйка.

Алёна покосилась на сомнительной чистоты и мягкости матрас, свернутый в рулон и задвинутый в угол полки.

— Ну ладно, я просто так... на полке... на голлой...

Проводница возмущенно фыркнула:

— На голлой, ишь ты! Поройся еще в сумке, может, и найдешь чего, — предложила она бесцеремонно, как если бы безденежность Алёны давала ей право перейти с пассажиркой на «ты», будто с какой-то вокзальной синявкой, случайно затесавшейся в купейный вагон.

В другое время наша героиня не спустила бы, конечно, хамства, но сейчас она чувствовала себя не просто униженной — уничтоженной.

Такой позор! И Двойник все это видит и слышит!

Почему-то именно последнее казалось наиболее унижительным. Нет, перед двумя другими парнями тоже было ужасно стыдно, но Двой-

ник... Как будто сам Игорь стал свидетелем невиданного, неслыханного позорища Алёны.

Она продолжала рыться в сумке, а между тем все яснее и яснее отдавала себе отчет: все же придется ей спать на голой полке.

Ох и новая позоруха начнется, когда попутчики станут стелить себе постели! Небось предложат безденежной дамочке с миру по нитке — по простынке...

Безденежной или... слишком скупой? А вдруг они все: и проводница, и молодые люди — втихомолку решили, что Алёна просто жадничает? Что жаба ее давит — заплатить за постель, и ради несчастных шестидесяти рублей она готова кости на голой полке ломать?

Тем временем шатену, очевидно, стало жарко, и он снял свитер. Под ним обнаружилась черная же футболка с какой-то непонятной надписью — «Yahooeю». Блондин странно хрюкнул носом.

Алёна мельком глянула на надпись, ничего не поняла и продолжила искать выход из дурацкой ситуации, в которую влипла. В тяжелые моменты жизни мыслительные способности нашей героини всегда обострялись.

И наконец ее осенило!

— Послушайте, — искательно поглядела Алёна на проводницу, — вот мой паспорт, я готова оставить его вам в залог, а в Москве я получу деньги и принесу к отправлению вашего поезда. Вы обратно из Москвы днем? Во сколько, в четырнадцать или в семнадцать?

— В двадцать один! Вечером! — с какой-то мстительной интонацией выпалила проводница и поджала губы. — Это что ж, до вечера ждать, пока ты деньги принесешь? И вот еще не хватало — паспорт в залог брать! Нам запрещено. Потом еще скажешь, что я его у тебя украла.

— Почему? — растерянно хлопнула глазами Алёна. — Зачем мне такое говорить?

— Ну, уж тебе лучше знать! — туманно пояснила проводница.

— Хорошо, — сказала Алёна, хотя ничего хорошего в сложившейся ситуации не усмотрел бы даже тот жизнерадостный кретин, который уверял, будто клопы пахнут хорошим коньяком, а вовсе не коньяк клопами. — Хорошо... Тогда вы мои паспортные данные можете переписать. Мой адрес на штампе прописки: улица Ижорская, дом 24, квартира 17. Третий этаж, — зачем-то добавила она. — Смотрите, номер паспорта, дата выдачи... Вот бумажечка, вот ручечка, давайте запишем на бумажечку... А зовут меня...

— Да какая мне разница, как тебя зовут? — холодно перебила проводница. — Куда я потом денусь с твоей бумажечкой? Как отчитаюсь за комплект белья?

— О господи! Ну ладно, давайте я к начальнику поезда, что ли, обращусь с просьбой, раз такое дело! — воскликнула Алёна.

Однако проводница, не замедлясь ни мгновением, выдвинула новый ряд заградительных сооружений:

— У него сейчас ревизоры. Еще хуже нарвешься!

— Куда уж хуже... — уныло пробормотала Алёна, признавая полную бессмысленность борьбы с судьбой.

Вдруг блондин, до того, как и прочие, с молчаливым любопытством слушавший вышеприведенный диалог, сказал проводнице примирительным тоном:

— Да ладно, хватит вам женщину мучить. Вот, возьмите деньги. Я заплачу за ваше несчастное белье.

Алёна уставилась на него недоверчиво — и тут же лицо ее обожгло румянцем стыда.

— Нет, что вы, я не могу, мне так неловко... — забормотала было, однако тотчас сообразила, что предложенный выход — единственно достойный для нее, и чем дольше она будет размазывать неловкость сложившейся ситуации, тем большей дурой себя выставит. Хотя, кажется, и так больше некуда. Делать нечего, надо немедленно прекращать сцену. — Большущее вам спасибо, огромное! Я просто не знаю, что бы я без вас... Давайте я скорей запишу ваш адрес, я перешлю вам деньги... или сама принесу... Скажите, скажите мне ваш адрес!

Проводница пренебрежительным взглядом окинула Алёну и хмыкнула:

— Лучше по почте отправь. Чего в гости-то намыливаешься? — И, швырнув на Алёнину полку пакет с бельем, тетка вышла из купе, оставив несчастную пассажирку в состоянии, близком в коматозному.

«Я вовсе не намыливаюсь», — чуть было не